

- Тишков 2004 – Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Праксис, 2004.
- Хобсбаум 1998 – Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.
- Я – помор – Я – помор // Официальный сайт общины поморов: <http://www.pomor.norland.ru>.
- Kulyasova, Kulyasov – Kulyasova A., Kulyasov I. Transformation of nature. Management in Pomorie: fishing villages on the Onega peninsula of the White sea // The Changing governance of renewable natural resources in northwest Russia/Ed. S. Nysten-Haaral). Farnham: Ashgate Publishing Limited, Burlington: Ashgate Publishing Company, 2009. P. 197–226.
- Latin 1998 – Latin D. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.

S.A. Tulueva. The Pomor Idea: Emergence and Development

Keywords: Pomor, Arkhangelsk region, indigenous peoples, institutionalization of ethnicity, construction of group identity.

The article discusses the phenomenon of the Pomor cultural revival which began as a movement in the Arkhangelsk region in the late 1980s. This movement, as the author points out, headed toward the idea of constructing a Pomor community on the foundation of old cultural traditions and customs. Old Pomor villages were symbolically important in this context as capable of producing "traditionality"; yet the residents of those villages were excluded from the process under way. It was only later that, due to changes in the state legislation, the Pomor movement would embrace the village residents. The author provides a detailed analysis of the issue and discusses the origins, strategies, and perspectives of the movement.

ЭО, 2009 г., № 4

© Н. В. Аникин

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ САМОСОЗНАНИИ ГАГАУЗОВ МОЛДАВИИ

Ключевые слова: этнос, самосознание, идентичность, Молдавия, Буджак, тюрки, православие, русский язык, Россия, этническая история, исторические мифы

Вопросы этнической идентичности и этнического самосознания являются, пожалуй, одними из самых актуальных и в то же время самых сложных, изучаемых современной этнологической наукой. При этом упомянутые вопросы носят характер не только теоретический, но и сугубо практический, поскольку связаны с такими актуальнейшими проблемами современного человечества, как межэтнические отношения и конфликты, этническая мобилизация и стремление различных народов к созданию (восстановлению) собственной государственности, этнический сепаратизм.

Распад СССР привел к появлению свыше десятка независимых национальных государств и сопровождался бурным ростом этнического самосознания у народов, его населявших. Эти процессы обусловили многочисленные очаги межэтнической напряженности, а в целом ряде случаев и кровавых межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, многие из которых остаются неразрешенными и в начале XXI столетия.

Один из самых малоизвестных, но немаловажных конфликтных моментов – проблема гагаузов, немногочисленного православного тюркоязычного этноса, компактно проживающего на юге Молдавии. Рост этнического самосознания гагаузов привел

к появлению в 1994 г. Гагаузской автономии в составе Республики Молдова (Гагауз-Ери). Однако процесс этнической мобилизации гагаузов на этом не заканчивается. Этнические процессы на юге Молдовы, хотя и не носят столь бурного характера, как в начале 90-х годов XX в., тем не менее продолжают развиваться. Для того чтобы получить представление о современном состоянии гагаузского этноса, о причинах и различных движущих моментах этнополитической ситуации в современных Молдове и Гагаузии, крайне важно наметить хотя бы общие аспекты современного этнического самосознания гагаузов, что и является главной целью данной статьи. В основе работы лежат полевые материалы, полученные автором в августе – сентябре 2007 г. в Гагаузской автономии. Исследования проводились в двух крупнейших городах автономии – Комрате и Чадыр-Лунге, а также в пяти селах Комратского и Чадыр-Лунгского районов – Кирсово, Бешалме, Гайдаре, Баурчи, Джолтае. Было опрошено более 50 респондентов различных возрастных и социальных категорий, что позволило автору скорректировать некоторые положения, имеющиеся в работах современных исследователей, посвященных гагаузской проблематике, а также наметить главные тенденции развития самосознания гагаузов.

Прежде чем перейти к рассмотрению указанной выше темы, необходимо вкратце обозначить основные научные теории, касающиеся этнического самосознания и идентичности.

Этническое самосознание уже более века считается одним из важных признаков для определения национальной принадлежности при переписях населения. При этом в первой половине XIX в. в европейской науке еще господствовало убеждение о тождестве национальной и языковой принадлежности, в связи с чем национальный состав определялся главным образом в соответствии с языковым. Однако вскоре стало понятно, что данный признак недостаточен для установления национального состава населения вследствие таких явлений, как двуязычие, языковая ассимиляция и др. В связи с этим в дальнейшем в программу переписей населения был включен вопрос о "национальности", относимый к самосознанию опрашиваемых (Козлов 1974: 80).

В советских обществоведческих науках долгое время господствовало сталинское определение нации на основе четырех признаков, которые не включали понятие "национальное самосознание". Это привело к тому, что широкое употребление данного признака в переписях населения и прочих формах учета населения не подкреплялось теоретическим его осмыслением. Основная заслуга в "реабилитации" указанного понятия в советской науке принадлежит П.И. Кушнеру, подчеркнувшему особое значение "этнического самосознания" как этнического определителя (Кушнер 1951: 42). Позднее Н.Н. Чебоксаров включил этническое самосознание в число этнических признаков, назвав его роль решающей "для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности" (Чебоксаров 1967: 94). Еще дальше пошел В.И. Козлов, поставивший этническое самосознание на центральное место среди признаков этноса (Козлов 1999: 201). В целом в 1960-е годы в отечественной этнографической литературе было обосновано важное значение признака этнического самосознания, являющегося некой квинтэссенцией всех прочих признаков этноса.

Тем не менее даже до настоящего времени единства по вопросу о том, что понимать под этническим самосознанием, не наблюдается. В общем можно выделить два основных подхода – "конструктивистский" и "примордиалистский". Сторонники первого рассматривают этнос и этническое самосознание как проявление культурных различий, как некую форму социальной организации (Тишков 1997: 69). В.А. Тишков так формулирует конструктивистский подход: "этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящих от того, что в данный

момент считается этносом/народом/национальностью/нацией (в этническом смысле)" (Там же: 69).

Процессы внутренней интеграции новых европейских государств начиная с эпохи Возрождения, времен колониальной экспансии и либерального буржуазного капитализма вызвали потребность в новой идеологии – идеологии национализма, которая в свою очередь создала нации. Как отмечал один из видных теоретиков конструктивизма Эрнст Геллнер, "именно национализм порождает нации, а не наоборот" (1991: 127).

Наиболее часто упоминаемыми западными учеными, работающими в рамках концепции конструктивизма, являются Эрик Хобсбаум, Бенедикт Андерсон и вышеупомянутый Эрнст Геллнер.

Под примордиализмом обычно понимают представления об этносах как сообществах, соединенных кровнородственными (биологическими) связями, с одной стороны, и объективных феноменах человеческого общества, проходящих через различные стадии в процессе исторического развития, – с другой (социобиологическое и эволюционно-историческое направления).

Представители эволюционно-исторического направления в примордиализме рассматривают этнос скорее как общность, в которой взаимная привязанность достигается воздействием социальных условий, а не ходом биологического развития, но закрепляется жестко. Один из основателей этого направления, Э. Смит, определяет этнос как "общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией и обладающую чувством солидарности" (Смит 2004: 350).

Советская этнология приняла утвержденную в историческом материализме модель истории человечества как смены формаций и привязала стадии этногенеза к формациям.

Почти в неизменном виде было воспринято из марксизма и представление о нации, положенное в основу национальной политики СССР. И.В. Сталин еще в 1913 г. сформулировал определение, которое стало в СССР официальным: "Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры" (Сталин 1946: 296).

Автор появившейся в позднее советское время распространенной теории этноса акад. Ю.В. Бромлей также касался вопросов этнического самосознания. Признавая этническое самосознание непременным условием функционирования любого этноса, Бромлей замечал, что "нет оснований сводить этническое (национальное) самосознание лишь к осознанию этнической (национальной) принадлежности... Этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях...". Бромлей выделял два уровня этнического самосознания – самосознание личности и самосознание этнической общности, которое он считал "социально окрашенным" (Бромлей 1973: 97–98, 107).

Не отдавая предпочтений целиком какому-либо одному из приведенных выше направлений, хотелось бы заметить, что, на наш взгляд, в действительности оба подхода отражают различные характеристики этносов – очевидно, что этносы возникают, развиваются и трансформируются в ходе исторического процесса, обладая такими объективными характеристиками, как язык, самоназвание, самосознание, этническая территория, социальная структура и так далее. При этом столь же очевидно и то, что этническое самосознание, одна из важнейших составляющих этносов, – пластичная, изменчивая материя, которая может подвергаться сильному влиянию со стороны интеллектуальных и политических элит, заинтересованных в том, чтобы сформировать или изменить самосознание какого-либо народа в "нужном" направлении. Дальше мы увидим это на примере гагаузов.

Переходя к анализу различных аспектов современного самосознания гагаузов Молдавии, необходимо заметить, что важным фактором, оказывающим влияние на формирование самосознания и идентичности любого этноса, является, безусловно, его история. Различные версии происхождения народа, его этнической истории, научные и публицистические интерпретации различных исторических фактов, связанных с прошлым народа, оказывают значительное влияние на массовое самосознание людей.

В случае с гагаузами все сказанное выше особенно актуально. Народ, фактически не известный ученым до середины XIX в. и вынужденный переселиться на новую территорию проживания всего два столетия назад, оказался на рубеже XX–XXI вв. в сложных этнополитических условиях. Он крайне остро нуждается в осмыслении собственной истории, активно пытается найти опору в своем прошлом для определения настоящего и формирования будущего.

В этом контексте особо стоит обратить внимание на различные научные версии происхождения гагаузов. На сегодняшний день ни одна из них не может считаться однозначно правильной, что связано с неполнотой имеющихся в настоящее время сведений о гагаузах.

Кратко рассмотрим основные из этих версий. Одна из первых и доньше распространенная, в частности, среди болгарских исследователей заключается в том, что гагаузы являются отуреченными болгарами, которые в результате османского владычества утратили славянский язык, однако сохранили свою веру (православное христианство) (Чакир 2005: 81).

Среди турецких исследователей популярно мнение, согласно которому гагаузы – потомки средневековых тюрок-сельджуков султана Изеддина Кейкавуса, переселившихся на Балканы по приглашению византийского правительства и впоследствии осевших на землю и принявших православие (Губогло 1967: 4).

Русский ученый В.А. Мошков, изучавший гагаузов в начале XX в., высказал предположение, которое сегодня широко распространено среди российских и гагаузских ученых (М.Н. Губогло, Г.Е. Марков, Н.А. Баскаков, С.С. Курогло, М.В. Маруневич). Согласно этому предположению, гагаузы – потомки кочевых тюркоязычных племен печенегов, узов, огузов и половцев, пришедших на Балканы из Северного Причерноморья в XI–XIII вв. (Мошков 2004: 18).

Несмотря на внушительную историографию, в настоящее время некоторыми гагаузскими интеллектуалами предпринимаются попытки удревнить историю собственного народа, что объясняется в том числе сильным давлением, которое оказывалось на гагаузов молдавскими националистами после распада СССР. Гагаузов обвиняли в захвате молдавских территорий, им отказывали в праве называться народом (Губогло 2004: 267). Пытаясь ответить на подобные нападки, гагаузские авторы, не имеющие зачастую должной квалификации, создают откровенно фантастические теории происхождения собственного народа, чем наносят ему еще больший вред. Так, в своем интервью, опубликованном в крупнейшем периодическом издании Гагаузии, гагаузский композитор Михаил Колц заявил, что "гагаузы в Молдове говорят на архаичном древнетюркском языке". Это интервью вынудило известного ученого-гагаузоведа Л.А. Покровскую написать резкое опровержение: "На древнетюркском языке, зафиксированном в надгробных надписях, не говорит ни один современный тюркоязычный народ. Очень-очень далек язык этих памятников и от современного гагаузского языка, который по исторической классификации ведущего специалиста по древнетюркским письменным памятникам тюрколога С.Е. Малова относится к новейшим тюркским языкам" (Там же: 17).

К сожалению, такие случаи не единичны. В качестве одного из самых ярких примеров "параисторических исследований" истории гагаузов можно привести "Древнюю историю народа гагаузов 9–11 века нашей эры" Д.Д. Гаргалыка. В ней даются "рекомендации" историкам, филологам и лингвистам и делаются сенсационные "открытия"

в истории не только гагаузов, но и народов Восточной Европы и всей Евразии. Согласно утверждениям автора, великая гагаузская империя уже в XI в. приняла христианство и одновременно совершала военные походы на Балканы и успешно отражала нашествия монголо-татар (*Гаргальк* 2005: 4, 7–8, 10).

Несмотря на очевидную несуразность подобных "исследований" в условиях глубокого застоя, царящего в сфере официальной науки в Гагаузии, подобные псевдоисторические идеи и "знания" неумолимо овладевают умами все большего количества гагаузов, калеча таким образом историческую память народа и меняя его самосознание. К сожалению, зачастую даже представители образованных слоев гагаузского общества некритически воспринимают теории, подобные приведенной выше. Например, декан юридического факультета Комратского государственного университета рассказывал автору данной статьи о печенежских предках гагаузов и о принятии гагаузами христианства в XI в., представляя дело так, будто это давно доказанный научный факт (ПМА I: Захария).

Вместе с тем несмотря на все сложности, связанные с исследованием этнического самосознания, автор на базе собственного опыта полевых исследований беретесь выделить три основных аспекта современного самосознания гагаузов Молдавии – конфессиональная принадлежность (православие), этническая идентичность (принадлежность к тюркскому миру) и ориентация на русский язык и Россию.

Что касается вопросов соотношения этнической и гражданской идентичностей, то здесь сразу хотелось бы оговориться: анализ таких неоднозначных и многофункциональных понятий, как "этническая идентичность", "этническая принадлежность", "этническое" и "гражданское" самосознание остался за рамками данной статьи. В частности, с понятиями "этническая" и "гражданская принадлежность" связаны политические спекуляции, противоречивость и гибкость в зависимости от конкретных исторических условий. Тем не менее необходимо упомянуть об исторически характерном для гагаузов явлении "приписывания" себя к другой, более крупной этнической общности.

По сведениям современной гагаузской исследовательницы Е.Н. Квилинковой, гагаузы, проживающие ныне в Болгарии, Казахстане, на Северном Кавказе, часто называют себя болгарами, тогда как гагаузы Греции причисляют себя к грекам (*Квилинкова* 2007: 378). На основании этого исследовательница приходит к выводу, что в настоящее время для гагаузов, живущих вне Молдавии, характерна двойная болгаро-гагаузская самоидентификация, которая может не совпадать с их гражданской принадлежностью. Под понятием "двойной идентичности" Квилинкова понимает "осознание индивидом собственной принадлежности одновременно к двум этносам" (Там же: 379). При этом автор полагает, что восприятие балканскими гагаузами своей идентичности при сравнении с болгарами связано с использованием тюркского языка (тюркчя), а при сравнении с турками – с принадлежностью к христианству (Там же: 380).

Как уже было отмечено, в рамках данной статьи не ставится задача подробного разбора понятий "этническая" и "гражданская идентичность", тем не менее необходимо подробнее остановиться на выводах Е.Н. Квилинковой.

По всей видимости, процесс окончательного становления этнической идентичности гагаузов произошел уже на территории Бессарабии. До переселения в Буджак гагаузы в основном компактно проживали на территории Северо-Восточной Болгарии рядом с болгарами. И в ходе переселения за Дунай, и в процессе расселения в буджакской степи гагаузы не были отделены от болгар (Там же: 379). Известно, что до переселения в Буджак гагаузы подразделялись на две группы – "хысыл гагауз" ("настоящие гагаузы") и "булгар гагауз" ("болгарские гагаузы") (*Мошков* 2005: 45). Первые сторонились своих соседей – болгар – и придерживались греков, в то время как вторые солидаризировались с болгарами, вступали с ними в браки, не отличаясь от них ни в быту, ни обрядами, ни именами собственными (*Квилинкова* 2007: 384). По мнению указанной исследовательницы, причисление себя к более крупным народам есть историче-

ская форма самосознания гагаузов, обусловленная историческими условиями, существовавшими на Балканах. Е.Н. Квилинкова выделяет следующие признаки, согласно которым гагаузы включали себя в более крупные этнические общности: единство религиозной принадлежности, значительное сходство в области традиционной культуры, общая территория проживания и историческая судьба (Там же: 386).

Вместе с тем известный гагаузский просветитель, протоиерей Михаил Чакир, в своей "Истории гагаузов Бессарабии" (1934) иначе объясняет это явление: "Гагаузы с прошлых времен научились заниматься политикой, чтобы среди болгар и русских показать, что они болгары, чтобы по этой причине болгары и русские принимали их лучше. Среди урумов и молдаван, румын, гагаузы показывали, что они урумы или румыны, чтобы урумские... и молдаво-румынские правители лучше принимали гагаузов" (Чакир 2005: 95). Упомянутый ранее исследователь гагаузов В.А. Мошков пишет о проживавших на Балканах гагаузах, что "определить сколько-нибудь верно цифру гагаузов, живущих в этих местностях, нет никакой возможности, потому что часть из них выдает себя за болгар, а другая – за греков" (2004: 6). Таким образом, на мой взгляд, довольно затруднительно считать исторической формой этнического самосознания исключительно практическое желание гагаузов, проживающих в иноэтнической среде, формально присоединиться к более крупному этносу. Об этом же говорят и результаты наших полевых исследований на юге Молдавии, в ходе которых я нередко слышал от респондентов-гагаузов рассказы о том, как, выезжая на заработки в Россию, они выдавали себя за молдаван в практических целях – объяснить собеседнику о том, кто такие гагаузы, слишком долго и сложно. При этом рассказчики были совершенно не склонны отождествлять себя с молдавским этносом (ПМА1: Янак, Драгни, Чебан).

Религиозная составляющая также занимает важное место в самосознании гагаузов. Так, М.Н. Губогло отмечает, что христианство коренным образом повлияло на ход этнических процессов, а также на духовную культуру гагаузов. С одной стороны, оно способствовало объединению разнородных этнических компонентов в единое целое, с другой – явилось тем барьером, который спас гагаузов от поглощения турками-мусульманами (Губогло 1967: 8).

Исследователи по-разному оценивали религиозность гагаузов. Так, К. Иречек называет гагаузов "твердыми, почти фанатичными христианами". В то же время представители духовства жаловались на почти полное отсутствие у гагаузов знаний по религиозной догматике, слабое знание молитв и так далее (Квилинкова 2007: 420). Здесь важно различать наличие религиозного чувства и знание церковных канонов и догматов. К тому же для гагаузов, в массе своей не имевших образования и не занимавшихся интеллектуальной деятельностью, было характерно христианско-языческое двоеверие, сохранность языческих по сути обрядов. Впрочем, на рубеже XIX–XX вв. подобное состояние было типично и для соседей гагаузов – молдаван, болгар, украинцев, русских и прочих народов.

Что касается современного положения с религиозностью гагаузов, то по данным исследователей данной проблематики (А.К. Папцова, Е.Н. Квилинкова и др.), несмотря на заметное снижение роли религии в современной жизни, обусловленное во многом антирелигиозной советской политикой, в целом православие сохраняет заметное положение в жизни гагаузов. Более того, некоторые соседи гагаузов отмечали их более высокую религиозность по сравнению, например, с болгарами (Там же: 440). А.К. Папцова видит причины подобной устойчивости гагаузов в сочетании различных факторов. Прежде всего это принадлежность одновременно и к тюркскому, и к православному миру, что является очень важным аспектом этнической самобытности гагаузов, подчеркивающим их своеобразие на фоне почти целиком православной Молдовы. Кроме того, для столь малого народа жизненно необходимо ощущать себя частью некой более широкой общности, частью определенной цивилизации,

принадлежность к которой обуславливала бы этническое самосознание и стереотипы (Папцова 2007: 502). Наглядный пример сказанного – слова нынешнего руководителя Гагаузской автономии Михаила Формузала: "Наряду со свободой гагаузы в качестве главной ценности восприняли и христианскую мораль, что также дает основание считать их европейским народом. Но гагаузский народ является одновременно и ветвью могучего тюркского суперэтноса со свойственными ему историческими традициями и ценностями..." (Формузал 2007: 44).

Вместе с тем в конце XX – начале XXI в. в Гагаузии наблюдался рост религиозного плюрализма, что выразилось прежде всего в обнаружении большого числа представителей различных христианских и псевдохристианских деноминаций. К существовавшим еще с советских времен общинам баптистов, адвентистов и пятидесятников в последнее десятилетие прошлого столетия добавились еще и свидетели Иеговы. Рост популярности данных конфессий заключается, по-видимому, в тех благоприятных условиях, которые сложились на постсоветском пространстве после крушения коммунистической идеологии, – после реабилитации религии без каких-либо конфессиональных различий традиционная Православная церковь и новые деноминации оказались в примерно равных условиях. Благожелательное отношение государства к религии вместе с расширившимся информационным полем также способствовали росту религиозного плюрализма. Тем не менее, на мой взгляд, это явление не стоит переоценивать. Независимо от глубины религиозных чувств респонденты самых разных возрастных и социальных категорий подчеркивали значимость и роль православия в истории и современной жизни гагаузов (ПМА 1: Янак, Курогло, Чебан, Драгни, Стамат).

К настоящему времени очевидно, что православная церковь сохранила основные позиции в гагаузском обществе. Необходимо отметить, что абсолютное большинство православных гагаузов является приверженцами Русской православной церкви Московского патриархата, авторитет которой в прорусски ориентированной Гагаузии практически неоспорим, в отличие от Молдавии и Украины, в которых ей приходится испытывать сильное давление со стороны Румынской церкви и самопровозглашенной Украинской православной церкви, поддерживаемой Константинопольским патриархатом. Православные приходы открыты в каждом населенном пункте, идет строительство новых храмов. Кроме того, в Гагаузии не пользуются интересом ислам, католичество и буддизм. Характерный для различных стран современной Европы, а также разных регионов России всплеск язычества не вылился в Гагаузии в нечто большее, чем интерес отдельных интеллектуалов к тенгрианству как религии далеких тюркских предков.

Стоит заметить, что в достаточно консервативном гагаузском обществе очень сильны установки "свой – чужой". Так, в ходе одной из последних предвыборных кампаний оппоненты одного из кандидатов использовали подозрения в его неправославном вероисповедании (Папцова 2007: 503). Показателен и случай с переходом в ислам известного гагаузского поэта П. Влаха, который вызвал бурную дискуссию в гагаузском обществе (ПМА 1: Курогло). Из сказанного можно сделать вывод о значимости религиозной идентичности для современных гагаузов, основанной на преобладании православной составляющей, в различных ее выражениях в сочетании с определенным религиозным плюрализмом в рамках христианской парадигмы.

Помимо религиозной и этнической компонент важное место в системе идентичностей современных гагаузов Молдовы занимает политическая составляющая. По мнению М.Н. Губогло, на всем постсоветском пространстве гагаузы тяжелее всего переживают распад Советского Союза. В соответствии с приводимыми им данными, 67,5% назвали исчезновение СССР событием "вредным" или "скорее вредным, чем полезным". Кроме того, около 30% гагаузов назвали своей родиной Советский Союз и всего 16,1% – Республику Молдова (Губогло 2007: 11).

Последовательная пророссийская ориентация большинства гагаузов наглядно представлена и в отношении гагаузов к русским – 67,5% опрошенных доверяли русским, при том, что самим себе доверяли 64,0% (!) (Там же: 26).

Общаясь с информантами-гагаузами самых разнообразных возрастных и социальных категорий, людьми, придерживающимися совершенно противоположных политических воззрений, я неизменно сталкивался с крайне доброжелательным отношением к России в целом и русским в частности. Будь это православный священник из с. Гайдар (ПМА 1: Узун) или видные деятели гагаузской интеллигенции (ПМА 1: Курогло, Булгар), ученики и преподаватели старших классов школы с. Томай или участковый с. Баурчи (ПМА 1: Янак) – все они говорили о сильной притягательности России для гагаузов, о престижности и необходимости русского языка, наконец, о желании работать или учиться в России.

В основе этого доверия, по мнению М.Н. Губогло, "залегают глубокие исторические корни, в том числе историческая память" (Губогло 2007: 12). Несмотря на потрясения, постигшие гагаузов в XX в., самосознание народа хранит память о том, что именно Россия спасла гагаузов от османских репрессий во второй половине XVIII – начале XX в., переселив их в Буджак, помогла сохранить язык и культуру и приобщиться к русской и мировой культуре благодаря русскому языку, который многие в Гагаузии искренне считают своим достоянием. Об этом говорит в своем эссе уже упоминавшийся М. Формузал: "Помимо земель Россия дала гагаузам также свой язык и письменность, через которые они имели возможность приобщиться к величайшей русской цивилизации, окунуться в сокровища мировой культуры" (2007: 44).

Нельзя не упомянуть еще об одном важном историческом моменте, влияющем на отношение гагаузов к России. Речь идет о событиях октября 1990 г., когда националисты из Народного фронта Молдовы предприняли поход "волонтеров" на столицу недавно провозглашенной Гагаузской республики, г. Комрат. Вооруженные "волонтеры" и сотрудники силовых ведомств Молдовы осуществили попытку "защитить молдавские земли" от гагаузских "сепаратистов". На помощь гагаузам пришли рабочие отряды из Приднестровья. Только своевременный ввод частей Министерства обороны СССР позволил предотвратить кровопролитие, что, увы, случилось позже в Приднестровье. Этот эпизод, совпавший с развалом СССР, остался практически незамеченным в охваченной тяжелейшим кризисом огромной стране, однако до сих пор он не забыт в Гагаузии. Память об этой националистической авантюре, чуть было не приведшей к вооруженному столкновению, и сегодня во многом определяет отношение гагаузов к Молдове и ее правящей элите. Наряду с этим гагаузы помнят о той поддержке, которую оказали им приднестровские добровольцы и советские военные, и это отношение переносится нередко и на Россию, от которой ждут дальнейших шагов по поддержанию русского языка и защите прав русскоязычного населения Молдовы (ПМА 1: Булгар).

В связи с непростым экономическим положением Молдовы и, соответственно, Гагаузии одной из определяющих черт и молдавского, и гагаузского обществ является вынужденная миграция населения в более благополучные страны и в первую очередь в Россию. По данным переписи населения Молдовы в 2004 г., 16,9% трудоспособного населения Гагаузии отсутствовало на своей территории. При этом 56,8% гагаузов-мигрантов находились на территории Российской Федерации. Вторая по притягательности страна после России для гагаузов – Турция, в которой в 2004 г. находились 34,2% временно отсутствующего на территории автономии населения (Субботина 2007: 137). Гагаузская диаспора в России представляет собой важный актив не только в российско-молдавских отношениях, но и в деле сохранения роли русского языка и русской культуры в гагаузском обществе. Однако следует заметить, что пророссийская ориентация гагаузов не является чем-то незыблемым. Историческая память, культур-

ные установки, языковая близость – все эти параметры крайне зыбки и подвержены различного рода влияниям и изменениям.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на крайне тревожащие данные М.Н. Губогло, касающиеся действий России по сохранению своего влияния среди гагаузов. Так, согласно переписи 2004 г., 88% временно отсутствующих граждан Гагаузии находились в России на заработках и лишь 7,0% являлись студентами российских вузов. И это при том, что удельный вес людей активного трудоспособного возраста среди мигрантов превышал 60% (!) (Там же 2007: 130). При всем российском магнетизме столь мизерный процент студентов из Гагаузии в российских вузах не может считаться удовлетворительным.

Еще более тревожной данная статистика выглядит в сравнении с другими странами. Так, в Румынии соотношение молдавских студентов к гастарбайтерам в том же 2004 г. было 63,8% к 30,9%, в Болгарии – 61,9 к 29,4, в США – 31,3 к 52,3 (Губогло 2007: 25). Столь же безрадостна картина и в самой Гагаузии, где в образовательной и культурной сферах ощущается практически полное отсутствие сколько-нибудь серьезного российского влияния на фоне активной деятельности Турции, Румынии и других государств. Еще одним отрицательным аспектом массового выезда гагаузов на заработки является, на мой взгляд, то, что из Гагаузии выезжают на длительное время представители самых политически активных слоев населения – мужчины и женщины в возрасте от 18 до 30 лет и старше (Субботина 2007: 172), что негативно сказывается на активности политической и культурной жизни в автономии.

Подводя итог нашей попытке наметить основные вехи современной идентичности гагаузов Молдовы можно выделить несколько наиболее типичных ее особенностей. Главной характеристикой гагаузского самосознания является, на мой взгляд, ее историческая ориентированность. Отвечая на вопрос, что на их взгляд означает быть гагаузом сегодня, многие респонденты старшего поколения говорили об общей исторической судьбе с Россией, принадлежности к православной цивилизации, необходимости оберегать свою самобытность, уважать историю своего народа. Кроме того, для гагаузов среднего и старшего поколений все еще важны память о советском прошлом, дух единства народов огромной страны. Однако в отношении молодого поколения гагаузов картина иная. Всплеск этнической мобилизации позади, сегодня для Гагаузии характерен скорее политический пессимизм, что не может не сказываться на состоянии национального самосознания. В этих условиях молодые гагаузы уже не всегда могут четко определить, в чем состоит их "гагаузскость".

Благодаря тому, что, как уже говорилось, сфера применения русского языка в Гагаузии чрезвычайно широка, а Россия по-прежнему остается привлекательной для молодежи в качестве возможного места работы и учебы, молодые гагаузы в целом сохраняют пророссийскую ориентацию своих родителей. Вместе с тем эта направленность носит уже не столько идеологический, мировоззренческий, сколько практический характер. Вопрос, каким же будет самосознание следующих поколений гагаузов, остается открытым. Религиозный и политический плюрализм, постепенное размывание и утрата национальных традиций, характерная для современной молодежи в различных европейских обществах, отсутствие твердого консенсуса в том, как трактовать собственный исторический опыт в среде гагаузских интеллектуалов, вкуче с активной пропагандой современных глобалистских ценностей вполне может привести в обозримой перспективе к необратимым изменениям в самосознании немногочисленного гагаузского народа, а наряду с этим и к изменению вектора его исторического развития.

Источники и литература

Бромлей 1973 – *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.

Гаргалык 2005 – *Гаргалык Д.Д.* Древняя история народа гагаузов 9–11 века нашей эры. Анализ аргументов и фактов 9–11 века нашей эры. Кишинев, 2005.

- Геллер* 1991 – *Геллер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Губогло* 1967 – *Губогло М.Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов). М., 1967.
- Губогло* 2004 – *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М., 2004.
- Губогло* 2007 – *Губогло М.Н.* Гагаузы и Гагаузия в контексте российско-молдавских отношений. Вместо предисловия // *Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3: Матер. II российско-молдавского симпозиума "Трансформационные процессы в Республике Молдова: Постсоветский период"*, посвященного проблеме "Адаптация культуры и культура адаптации", 20–21 апреля 2007 г., г. Комрат. М., 2007.
- Квилинкова* 2007 – *Квилинкова Е.Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007.
- Козлов* 1999 – *Козлов В.И.* Этнос. Нация. Национализм. М., 1999.
- Козлов* 1974 – *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // *Сов. этнография (далее – СЭ). 1974. № 2.*
- Кушнер* 1951 – *Кушнер П.И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- Мошков* 2004 – *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004.
- Мошков* 2005 – *Мошков В.А.* Турецкие племена на Балканском полуострове. Кишинев, 2005.
- Папцова* 2007 – *Папцова А.К.* Феномен религиозности гагаузов // *Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2: Матер. II российско-молдавского симпозиума "Трансформационные процессы в Республике Молдова..."*. М., 2007.
- ПМА 1* – Полевые материалы автора. Экспедиция в Гагаузию. Август – сентябрь 2007 г. Информанты – С.С. Курогло, 1940 г.р.; С.С. Булгар, 1953 г.р.; Е.П. Курогло, 1958 г.р.; Г.И. Памужак, 1967 г.р.; П.В. Янак, 1968 г.р.; М.Д. Драгни, 1968 г.р.; И.Г. Узун, 1933 г.р.; А.В. Узун, 1990 г.р.; И.Н. Гаргалык, 1990 г.р.; А.П. Янак, 1990 г.р.; С.К. Захария, 1969 г.р.
- Смит* 2004 – *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
- Сталин* 1946 – *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Собр. соч. В 16 т. Т. 2. М., 1946.*
- Субботина* 2007 – *Субботина И.А.* Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М., 2007.
- Тишков* 1997 – *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
- Чакир* 2005 – *Чакир М.М.* История гагаузов Бессарабии // *Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX веков.* Кишинев, 2005.
- Чебоксаров* 1967 – *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // *СЭ. 1967. № 4. С. 94–109.*

N.V. Anikin. Toward the Issue of Modern Identity of the Gagauz of Moldova

Keywords: ethnos, identity, Moldova, Budzhak, Turks, Orthodox Christianity, Russian language, Russia, ethnic history, historical myths

The article focuses on current ethnic-political issues of the Gagauz of Moldova, paying special attention to the question of ethnic identity. The author discusses the principal versions of ethnic origins and ethnic history of the Gagauz. Drawing on own fieldwork data and contemporary research, he makes an attempt to outline the basic facets of Gagauz's contemporary identity, analyze their components, and argue about the ways of its possible transformation.